

НАДИН НОЙЗИ

ГРАФИНЯ-
ПОПАДАНКА
И ПРИНЦ ДРАКОНОВ

Надин Нойзи

Графиня-попаданка и принц драконов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73458063

SelfPub; 2026

Аннотация

Я попала. Да, в самом натуральном смысле – из учительницы с Земли в аристократку в магическом мире. Родители отчаялись выдать меня замуж. И я не против, на Земле я всегда мечтала о семье, о муже, о детях. Но где же он, мой суженый?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Надин Нойзи

Графиня-попаданка и принц драконов

Глава 1

Мне снился удивительно яркий, волшебный сон. Я сидела за старинным роялем, массивным, с благородно поцарапанной поверхностью, какие часто можно увидеть в старых консерваториях или особняках. В комнате не было стен – только мягкий золотистый свет и бесконечность за спиной. Я играла. Мелодия была мне абсолютно не знакома – сложная, немного грустная, с неожиданными модуляциями, словно её сочинял сам ветер. Но пальцы жили своей жизнью: они уверенно и легко порхали над клавишами, касаясь то белых, то черных, извлекая звуки такой чистоты, которой я давно не слышала в реальности.

Рядом с инструментом стоял ОН. Красавец мужчина, прямо герой девичьих романов и моих тайных фантазий: высокий, широкоплечий шатен с глубокими карими глазами, в которых, казалось, отражался свет. На нём был идеально сидящий тёмный костюм, но чувствовал он себя абсолютно свободно. Он не отрывал взгляда от моих рук и моего лица.

В его взгляде читалось не просто любопытство, а самое настоящее восхищение, от которого у меня внутри всё теплело. Мне было невероятно приятно это внимание, хотелось играть для него вечность, вложить в музыку все свои чувства.

Я уже собиралась плавно завершить импровизацию, как вдруг эту идиллию разрушили самым варварским способом – зазвенел будильник. Этот резкий, пронзительный звук ворвался в мою грёзу, как нож. Я вздрогнула всем телом. Рояль, золотой свет и прекрасный незнакомец мгновенно растворились в воздухе, словно их и не было. А я... Я проснулась в своей однокомнатной квартире, сжимая в руке край обычного пледа.

Будильник надрывался на тумбочке, требуя вернуться в реальность. Я с трудом разлепила веки, чувствуя досаду от того, что сон оборвался на самом интересном месте. Будильник надрывался на тумбочке, требуя вернуться в реальность. Я с трудом разлепила веки, чувствуя досаду от того, что сон оборвался на самом интересном месте. В комнате пахло вчерашним чаем, за окном сонно чирикали воробьи.

Я села на кровати, поправила сбившуюся набок пижаму и запустила пальцы в волосы. Темные, почти черные пряди рассыпались по плечам – густые, непослушные, вечно норовящие выбиться из пучка. В зеркале напротив отразилась невысокая, ладно скроенная фигура. В свои тридцать пять я неплохо сохранилась: тонкая талия, выразительные карие глаза (мужчины говорят, что с поволокой), пусть и с парой

морщинок у внешних уголков, которые появлялись, когда я смеялась или щурилась от солнца. Симпатичная, говорят знакомые. "Интересная", – поправляла про себя я, потому что слово "симпатичная" казалось мне слишком легковесным для женщины, разменявшей четвертый десяток.

В комнате пахло вчерашним чаем и бумагой, за окном сонно чирикали воробьи. Пора было вставать, приводить себя в порядок и плестись на работу – в школу. Учить недорослей разных лет пению и музыкальной грамоте, отбиваясь пальцами от пыльных крышек расстроенных инструментов.

Не сказать, что я была в восторге от такой перспективы. После пробуждения контраст был слишком разительным: там – муза, вдохновение и прекрасный незнакомец, здесь – куча тетрадей, программу которых я знаю наизусть, и вечная борьба с отсутствием мотивации у учеников. Но ничего другого, связанного с музыкой, в нашем небольшом городке я найти не смогла. А музыка... музыка была моей страстью, моей жизнью, даже если сейчас она сводилась к гаммам и сольфеджио в душном классе.

Вздыхнув, я побрела в ванную. Умывание, быстрый завтрак – чашка растворимого кофе с бутербродом, который я проглотила стоя, потому что опаздывала. Минуту поколебавшись перед шкафом, натянула темно-синие брюки и свободную блузку кремового цвета – строго, но не уныло. Собрала волосы в тугий пучок на затылке, открывая шею, подвела глаза – ритуал, без которого не чувствовала себя вооружен-

ной для встречи с реальностью. Придирчиво оглядела себя в зеркало прихожей: невысокая брюнетка с усталым взглядом и все еще красивыми скулами. Пора выходить.

Улица «порадовала» меня сырым осенним воздухом и серым небом, низко нависшим над крышами. Я плотнее закуталась в шерстяное пальто и быстрым шагом направилась к школе. Городок наш – тихий, провинциальный, с облупившейся краской на старых скамейках и вечно сонными прохожими. Дорога до школы занимала минут пятнадцать: мимо продуктового магазина с криво висящей вывеской, мимо сквера, где по утрам выгуливали собак, мимо детской площадки с пустыми качелями. Знакомый, до тошноты привычный маршрут. Где-то на середине пути я поймала себя на том, что пальцы в кармане пальто бессознательно выстукивают ту самую мелодию из сна. Ту, сложную, незнакомую. Дернула плечом и заставила себя думать о планах на день.

Школа встретила меня привычным шумом перемены. В нос ударил запах хлорки, булочек из столовой и чего-то неуловимо казенного. Я прошла мимо вахтерши тети Нины, кивнув ей, и поднялась на второй этаж, в крыло, где располагались музыкальные классы. В узком коридоре уже толклись мои первые "мучители" – пятиклассники.

– Марь Иванна, а мы сегодня петь будем? – тут же подскокил ко мне веснушчатый Сережка.

– А ты как думаешь, Сережа? – вздохнула я, открывая дверь класса. – Для чего мы здесь собираемся?

Класс встретил меня прохладой и видом расстроенного пианино в углу. Пыльные ноты на подставке, портрет Чайковского на стене, выцветшая зеленая доска. Я положила сумку на стул, провела пальцем по крышке инструмента – пыль, как всегда. Следовало бы попросить техника, но кому какое дело до музыкального класса в обычной школе?

Урок тянулся вязко, как прошлогодний мед. Мы разучивали простую детскую песенку к утреннику. Мои "недоросли" – так я называла их про себя без злости, скорее с усталой иронией – делились на два типа: те, кому было откровенно скучно, и те, кому медведь на ухо наступил, но мама заставила ходить.

– Дышите ровнее, не кричите. Пойте душой, – нудно повторяла я в сотый раз, проводя ладонью в воздухе, показывая динамику.

– Марь Иванна, а вы сами умеете петь? – спросила девочка с косичками, наивно хлопая глазками.

Я сдержала усмешку. "Умею ли я петь?" – подумала я с горечью, вспоминая консерваторию, красный диплом и похвалы педагогов. Тогда казалось, что впереди – большая сцена, аплодисменты, интересная жизнь. А вместо этого – школьный класс в Богом забытом городке и детский лепет.

– Умею, Вероника, – ответила я суховато. – Дети, садитесь ровно.

К концу урока голова гудела, а во рту был привкус мела и усталости. Когда за последним учеником захлопнулась

дверь, я осталась одна. В классе стало тихо, только где-то за стеной глухо гудела вода в трубах. Я подошла к пианино, откинула тяжелую крышку и села на табурет. Пальцы сами легли на клавиши. И вдруг – я даже вздрогнула – они начали выводить ту самую мелодию. Из сна. Ту, которую я никогда раньше не слышала и не учила. Грустную, красивую, с теми самыми неожиданными модуляциями, что снились мне сегодня ночью. Сердце забило быстрее. Я играла, боясь остановиться, боясь, что наваждение исчезнет. На секунду в пустом классе, где пахло пылью и казенной скукой, мне показалось, что за спиной снова стоит ОН – высокий шатен с карими глазами. Я даже оглянулась.

Никого, конечно. Только скрипнула половица от сквозняка. Я доиграла мелодию до конца, и последняя нота повисла в воздухе, растворяясь в тишине. Вот так, значит. Музыка из сна пришла за мной в реальность. Или это я все еще не проснулась?

Я медленно закрыла крышку пианино, собрала сумку и вышла в пустой коридор. Впереди был еще один урок, потом педсовет, потом бесконечный вечер.

Глава 2

Вечер после школы тянулся бесконечно долго. Я вернулась домой, сбросила надоевшие туфли у порога и прошла на кухню. В холодильнике было пусто, если не считать половины пачки молока, засохшего сыра и вчерашнего супа в кастрюльке. Я разогрела его, наскоро поужинала, даже не почувствовав вкуса, и уставилась в окно. За стеклом уже стемнело, в окнах соседнего дома загорались огни, и жизнь там казалась уютной и правильной, не то что моя – с привкусом пыли и несбывшихся надежд.

Чтобы не думать о пустоте, я включила телевизор. По какому-то каналу шёл старый фильм, чёрно-белый, с иностранными актёрами, которые говорили на французском с русскими субтитрами. Я не особо вникала в сюжет – какая-то светская драма, балы, красивые платья, мужчины во фраках. Кино мелькало на экране цветными пятнами, но где-то на задворках сознания я ловила себя на мысли, что пальцы снова выстукивают по подлокотнику дивана ту самую мелодию. Мелодию из сна. И из моего пустого класса.

Я заставила себя досмотреть фильм до конца, хотя в голове уже шумела усталость. Когда покатали титры, я зевнула, выключила телевизор и поплелась в ванную. Чистила зубы механически, смотрела на себя в зеркало – невысокая брюнетка с тёмными кругами под глазами и пучком на голо-

ве. «Красавица», – усмехнулась я про себя, вспоминая героя своего сна. Ему бы меня такую показать – сразу бы разочаровался.

Я легла в постель, укрылась одеялом и долго ворочалась. В голову лезли мысли об уроке, о Веронике с её дурацким вопросом, о мелодии, которая не выходила из головы. А потом мысли стали путаться, веки потяжелели, и я провалилась в сон...

...Я открыла глаза и не узнала места, в котором оказалась. Это был не мой тесный закуток с обшарпанными обоями. Я стояла посреди огромной спальни, такой роскошной, что у меня перехватило дыхание.

Высокие потолки с лепниной, позолоченная, словно из дворца, мебель, огромная кровать под балдахин из тяжёлого шёлка цвета слоновой кости. В углу – старинный туалетный столик с тройным зеркалом, уставленный флаконами духов, щётками с перламутровыми ручками и шкатулками, инкрустированными драгоценными камнями. За высокими окнами с бархатными портьерами угадывался парк – тёмные силуэты деревьев, подстриженные кусты, мраморные статуи, серебрившиеся в лунном свете.

Но больше всего меня поразило моё собственное отражение в огромном напольном зеркале в резной раме.

Из зеркала на меня смотрела не я – усталая учительница музыки из маленького городка. Оттуда смотрела красавица. Молодая, лет двадцати пяти, с теми же тёмными волосами,

но уложенными в сложную высокую причёску, украшенную нитями мелкого жемчуга. Мои глаза сияли, кожа светилась, губы были тронуты нежной помадой. На мне было платье – настоящее произведение искусства. Корсет из переливчатого шёлка, расшитый серебряными нитями и крошечными кристаллами, плотно облегал фигуру, подчёркивая тонкую талию. пышная юбка, отделанная тончайшим кружевом, ниспадала до пола мягкими волнами. На шее – изумрудное кольцо, тяжёлое, холодное и прекрасное. Я поднесла руку к лицу и увидела длинные перчатки выше локтя, тоже кружевные.

Я была красива. Я была молода. Я была богата.

За дверью послышались голоса, шаги, приглушённый смех. До меня донёсся запах цветов и чего-то сладкого, как ваниль или дорогие духи. Я сделала шаг к двери, и платье послушно зашуршало, словно живое.

Я вышла в коридор и ахнула. Особняк простирался передо мной бесконечной анфиладой комнат. Всё сияло огнями: хрустальные люстры отражались в паркете, натёртом до зеркального блеска, мраморные колонны уходили ввысь, стены были увешаны картинами в тяжёлых рамах. Везде сновали слуги в ливреях – одни несли подносы с хрустальными бокалами, другие поправляли цветочные гирлянды, украшавшие перила лестницы.

Я медленно пошла вперёд, касаясь пальцами холодного мрамора перил, рассматривая огромные вазы с живыми розами. Каждая деталь дышала роскошью и историей. На сте-

нах висели портреты – строгие мужчины в париках, надменные женщины в жемчугах.

Внизу играла музыка – струнный квартет, мягко, ненавязчиво. Я начала спускаться по широкой лестнице, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Платье шуршало при каждом шаге, тяжёлая юбка мягко касалась ступеней. Я держалась за перила, боясь оступиться на непривычно высоких каблуках.

И вдруг всё произошло в одно мгновение.

Мимо, чуть не сбив меня с ног, пробежала девушка-служанка с охапкой белых лилий в руках. Она что-то испуганно пискнула, пытаясь увернуться, но цветы заслонили ей обзор. Я покачнулась, потеряла равновесие и с глухим стуком врезалась плечом в мраморную стену. Резкая, обжигающая боль пронзила руку и отдалась в затылке.

– О, мадемуазель! Простите, простите, ради богов! – залепетала служанка, бледнея. Лилии рассыпались по полу, белые лепестки разлетелись в разные стороны.

Но я не слушала её. Я замерла, прижимая ладонь к ушибленному плечу, и смотрела на свою руку. Перчатка чуть сбилась, под ней явственно пульсировала боль. Настоящая, живая, невыносимо реальная боль.

Я зажмурилась и открыла глаза. Особняк не исчез. Служанка стояла рядом, готовая разрыдаться от страха. Лепестки лилий белели на мраморном полу. Я ущипнула себя за запястье свободной рукой – боль отозвалась эхом.

Этого не могло быть. Я же сплю. Я легла спать в своей квартире, в своей кровати, после ужина и старого фильма. Я должна была проснуться сейчас от этого удара, вздрогнуть и открыть глаза в темноте собственной спальни. Но я не просыпалась.

Холодок пробежал по спине, несмотря на то, что в особняке было тепло. Что происходит? Где я?

– Мария! Дочь моя, что случилось?

Я обернулась на голос. Ко мне быстрым шагом приближалась женщина. Полная, лет пятидесяти, с пышными седеющими волосами, уложенными в замысловатую причёску, украшенную страусовыми перьями и брошью с крупным рубином. Её платье из тёмно-бордового бархата тяжело колыхалось при каждом шаге, на груди сверкало несколько рядов жемчуга. Лицо было властным, но встревоженным, глаза – тёмными, очень живыми, совсем не похожими на глаза призрака или плод воображения.

Она подошла, оттеснила испуганную служанку и взяла моё лицо в свои тёплые ладони.

– Ты ушиблась? Сильно? – Голос у неё был низкий, грудной, с лёгкой хрипотцой. От неё пахло сладкими духами и пудрой. – Эта растяпа ответит за свою неловкость, я распоряжусь.

– Н-нет, не надо, – выдавила я из себя, не в силах осмыслить происходящее. – Я в порядке. Просто... немного ударились.

Она отстранилась, окинула меня взглядом с головы до ног, критически осмотрела платье, причёску.

– Ну, слава богам, урон только плечу. Платье не пострадало, это главное. – Она поправила кружево на моём рукаве, ловкими движениями вернула перчатку на место, хотя под ней всё ещё ныло ушибленное место. – Ты всегда была неловкой, моя милая, но сегодня твоя рассеянность некстати. Весь цвет губернии соберётся, а ты витаешь в облаках.

Она взяла меня под руку, чуть сжала локоть. Я чувствовала тепло её руки, мягкую ткань её платья, касавшуюся моей юбки.

– Дочь, – сказала она, заглядывая мне в глаза. – Пора идти. Бал вот-вот начнётся. Гости уже съезжаются, княгиня Ольгерда горт Жарранас приехала с племянником, все ждут только нас с тобой. Улыбнись, соберись. Ты сегодня должна сиять.

Я смотрела на неё и не могла вымолвить ни слова. Дочь? Она назвала меня дочерью. Значит, здесь, в этом мире, в этом роскошном особняке, у меня есть мать. Полная, властная, заботливая женщина в бархате и жемчугах, которая говорит со мной так, словно мы знакомы тысячу лет.

Я оглянулась на лестницу, на испуганную служанку, всё ещё собирающую лилии, на портреты предков на стенах, на суетящихся внизу лакеев. Всё это было настоящим. Я чувствовала боль в плече, чувствовала тяжесть платья, чувствовала запах духов женщины, стоявшей рядом.

Я не спала.

Но как? Как такое возможно?

– Мама? – выдохнула я, пробуя слово на вкус.

Оно прозвучало непривычно, чужеродно. У меня никогда не было матери, которая называла бы меня дочерью и водила на балы.

Женщина удивлённо подняла бровь, но тут же улыбнулась мягко, почти нежно.

– Что, испугалась, глупенькая? Ничего страшного, просто ушиб. Пройдёт. А теперь пойдём, пойдём. – Она потянула меня за собой вниз по лестнице. – Твой отец уже в зале, будет нас бранить за опоздание. И помни: сегодня вечером ты познакомишься с графом Андеасом горт Ластером. Он молод, богат и, говорят, весьма интересен. Не ударь в грязь лицом.

Я шла за ней, механически переставляя ноги, и чувствовала, как внутри меня нарастает паника пополам с диким, невероятным любопытством. Я была в теле какой-то Марии, дочери богатых родителей, в особняке, полном слуг и гостей, и меня вели на бал знакомиться с графом.

Моё плечо ныло. Это было единственное, что доказывало мне, что всё происходит на самом деле.

Мы спустились в холл. Музыка заиграла громче, зал сиял огнями, и десятки нарядных людей обернулись в нашу сторону. Я заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё кричало от непонимания и страха.

Глава 3

Музыка лилась отовсюду, заполняя каждый угол огромного зала. Струнный квартет играл вальс, но его звуки тонули в гуле десятков голосов, в шорохе платьев, в звоне бокалов, которые разносили на серебряных подносах лакеи в напудренных париках. Я шла сквозь толпу, и платье моё послушно струилось за мной, словно вода.

Мать – я всё ещё не могла привыкнуть называть её так – отпустила мою руку и тут же была перехвачена какой-то пожилой дамой в изумрудах, которая затараторила о каких-то общих знакомых. Я осталась одна посреди этого блестящего моря и почувствовала, как внутри меня разрастается странное, щемящее чувство.

Я улыбалась. Я улыбалась всем, кто смотрел на меня, кивала знакомым, которых не знала, останавливалась, чтобы обменяться парой фраз с людьми, чьих имён понятия не имела. Тело двигалось само, подчиняясь каким-то неведомым мне правилам этикета, будто я всю жизнь только и делала, что ходила по балам.

Но уши мои жадно ловили обрывки разговоров.

– ...говорят, граф даёт за ней не меньше ста тысяч...

Я замедлила шаг, делая вид, что поправляю кружево на перчатке.

– Сто тысяч? Полноте, любезная графиня, никак не мень-

ше двухсот. Стефан горт Дорский не станет мелочиться, когда речь идёт о единственной дочери.

Сердце моё пропустило удар. Стефан горт Дорский. Значит, так зовут моего здешнего отца. Граф. Я – дочь графа.

Я двинулась дальше, лавируя между группами гостей, и слух мой выхватывал новые и новые жемчужины.

– Двадцать пять лет, моя дорогая, вы только представьте! В её возрасте моя старшая уже троих детей нянчила.

– Тише, она идёт...

Я прошла мимо, сохраняя на лице безмятежную улыбку, хотя щёки мои вспыхнули. Двадцать пять? В моём-то тридцатипятилетнем теле? Впрочем, в зеркале я действительно выглядела моложе. Значит, здесь мне двадцать пять. И я – перестарок. Дочь графа, которую никак не удаётся пристроить замуж.

– Графиня Виттельбах сказывала, что она уже третий сезон выезжает, а всё без толку. То ли слишком разборчива, то ли... ну, вы понимаете.

– Говорят, характер у неё не сахар. Вся в отца, гордая, своенравная.

Я сжала зубы и улыбнулась ещё шире. Гордая и своенравная? Что ж, приятно знать, что в этом мире у меня есть характер.

– Зато приданое! Граф Стефан, говорят, последнее отдаст, лишь бы сбыть дочку с рук. Имение, земли в, да ещё и бриллианты покойной бабки...

– Слышала, князь Отто фон Лейхтенберг всерьёз нацелился. Ему деньги нужны, сам-то он гол как сокол, хоть и с титулом.

– Ах, оставьте, князь Отто – заядлый картёжник, ему хоть сто тысяч дай, всё в один вечер спустит. Графиня Мария достойна лучшей партии.

Меня назвали графиней Марией. Я почти поверила в это.

Ко мне то и дело подходили кавалеры. Первым пригласил на танец высокий блондин с орлиным профилем и длинными, чуть маслянистыми волосами, уложенными по последней моде. Он представился – барон Карл фон Эшенбах. У него были холодные голубые глаза и тонкие, бледные губы, которые растягивались в улыбку, не затрагивающую взгляд.

Мы закружились в вальсе. Барон держал меня уверенно, даже слишком, его рука на талии давила тяжело, собственнически. Он говорил о своих лошадях, о своих владениях в Баварии, о том, какой прекрасной хозяйкой я бы стала в его замке. Я смотрела на его идеально выбритый подбородок и думала о том, что если он скажет "моя дорогая" ещё раз, я, кажется, закричу.

– Вы очаровательны сегодня, графиня, – мурлыкал он мне на ухо, когда танец подходил к концу. – Позвольте ли пригласить вас ещё?

– Быть может, позже, барон, – ответила я с той же вежливой улыбкой. – Я обещала этот танец... другому кавалеру. Я не обещала никому, но мне нужно было спастись.

Следующим оказался виконт Анри де Бельмон, мужчина с томными глазами и изысканными манерами. Он говорил комплиментами, словно плел кружево, его речь лилась плавно, как сироп, и была такой же приторной. Он восхищался моими глазами, моими волосами, моим платьем, моим "утончённым вкусом, который так редко встречается в этих северных краях".

– Мария, – шептал он, склоняясь слишком близко, – позвольте называть вас просто Мария. В этом имени столько музыки...

Я чуть не рассмеялась ему в лицо. Музыка. Если бы он знал, откуда я родом и чем занимаюсь в той, другой жизни.

После вальса с виконтом меня перехватил маркиз Алесандро дер Россо, красавец с жгучими чёрными глазами и смуглой кожей. Он танцевал страстно, порывисто, то прижимая меня слишком сильно, то отпуская так резко, что я едва не теряла равновесие. Глаза его горели, он говорил о лунном свете на воде, о женщинах, похожих на богинь.

– Вы созданы для любви, графиня, – прошептал он мне на ухо, обжигая дыханием. – Не для этих холодных балов, не для расчётливых браков. Я вижу огонь в ваших глазах.

Я вежливо улыбнулась и поблагодарила за танец. Огонь в моих глазах был всего лишь отражением люстр, а в душе царила странная, пугающая пустота.

Я танцевала снова и снова. С графом Отто фон Лейхтенбергом, который действительно оказался худым и бледным,

с беспокойно бегающими глазами и руками, которые слегка подрагивали, будто от вечного похмелья. С бароном Вильгельмом фон Штольцем, пожилым вдовцом с брюшком и одышкой, который тяжело дышал мне в плечо и всё норовил прижать меня к себе во время пауз. С молодым принцем Фридрихом Великолепным, который был так застенчив, что краснел при каждом слове и путал фигуры кадрили.

Все они смотрели на меня. Все они улыбались. Все они что-то говорили – комплименты, намёки, пустые светские любезности. А я смотрела на них и не чувствовала ровным счётом ничего.

Ни одна рука, ни одно прикосновение не заставляли моё сердце биться быстрее. Ни один взгляд не будил во мне того трепета, который я испытала в первом сне, когда он смотрел на меня, слушая мою игру.

Его здесь не было. Высокого шатена с карими глазами не было в этом зале. И чем больше я танцевала, чем больше улыбалась, тем отчётливее понимала: я ищу его взглядом. Я всматриваюсь в лица мужчин, мелькающих передо мной, и каждый раз разочарованно отвожу глаза.

Кто он? Почему я ищу его здесь? Ведь мать сказала, что сегодня я знакомлюсь с молодым графом, а о нём – ни слова. Может быть, его вообще не существует? Может быть, он – лишь плод моего воображения, красивая картинка из первого сна?

Оркестр заиграл новый танец, и ко мне вновь направился

кто-то из кавалеров. Я улыбнулась, присела в реверансе и позволила увести себя в круг.

Но внутри меня, где-то под корсетом, под жемчугом и шёлком, билась одна-единственная мысль: где ты? И приду ли я когда-нибудь туда, где ты есть?

Глава 4

Я танцевала, улыбалась, кивала, а в груди разрасталась ледяная пустота. Очередной кавалер – кажется, его представили как барона Людвига фон Эшенбаха, но я уже сбилась со счёту – кружил меня в вальсе, и его рука на талии казалась чужой, тяжёлой, бездушной. Он что-то говорил о своих охотничьих угодьях, о лошадях, о том, как преобразилось бы моё приданое в его руках, а я смотрела поверх его плеча на сияющие люстры, на порхающие по залу пары и чувствовала себя марионеткой.

Вон там, у колонны, перешептывались две дамы – одна с неестественно бледной кожей и длинными серебристыми волосами, явно эльфийка, другая – полная, в изумрудах, с тяжёлым подбородком, возможно, оборотница в человеческом облике. Их взгляды то и дело скользили по мне, и я не сомневалась, что обсуждают именно мою "безнадёжную" партию.

– Вы устали, графиня? – спросил барон, заметив, что я сбилась с ритма.

– Прошу прощения, – выдохнула я, останавливаясь прямо посреди зала. – Мне нужно... немного воздуха.

Не дожидаясь его ответа, я высвободила руку и, приподняв тяжёлую юбку, направилась к боковым дверям. Сердце колотилось где-то в горле. Я шла быстро, почти бежала, ла-

вируя между гостями, не замечая их удивлённых взглядов. Главное – не встретить мать. Она бы ни за что не отпустила меня так просто.

Коридор за бальной залой встретил меня прохладой и тишиной. Гул музыки и голосов остался за спиной, стихая с каждым шагом. Я остановилась, прижалась спиной к стене и перевела дух. Что я делаю? Куда я иду? У меня нет здесь ни своей комнаты, ни малейшего понятия, где я вообще нахожусь.

Мимо прошёл лакей с подносом, удивлённо на меня покосился.

– Вы не подскажете... – начала я, но он уже скрылся за поворотом.

Пришлось идти наугад. Я брела по бесконечным коридорам, мимо портретов строгих предков, мимо мраморных статуй и ваз с живыми цветами, пока наконец не наткнулась на лестницу, ведущую наверх. Поднявшись на второй этаж, я оказалась в галерее, откуда расходились двери. На одной из них я заметила знакомый вензель – вроде бы такие же я видела внизу, на приглашениях. А вдруг это моя?

Я толкнула дверь и вошла. Комната оказалась небольшой, но роскошно обставленной: кровать с балдахином, туалетный столик с зеркалом в позолоченной раме, камин, в котором уютно потрескивали дрова. На стене висел портрет женщины в тёмно-бордовом платье – я узнала мать. Значит, я угадала.

Я опустила на пуфик перед туалетным столиком и уставилась на своё отражение. Из зеркала на меня смотрела незнакомка – молодая, красивая, богато одетая, с глазами, полными тоски.

«Где ты? – спросила я у неё мысленно. – Где тот, кого я ищу?» Или его вообще не существует?

Дверь тихонько скрипнула, и я вздрогнула.

– Госпожа, вы уже вернулись? – раздался тихий голос. – Позвольте помочь вам раздеться.

Я обернулась. В дверях стояла девушка в скромном сером платье и белом переднике, с аккуратно уложенными светлыми волосами. Она шагнула в комнату, и при свете камина я вдруг заметила то, чего не видела раньше: её уши. Они были чуть длиннее человеческих, заострённые кверху, изящно выглядывавшие из-под волос. Кожа её светилась едва уловимым фарфоровым блеском, а глаза – огромные, миндалевидные, цвета весенней листвы – смотрели с почтительной заботой.

Эльфийка. Моя служанка – эльфийка.

Я смотрела на неё и не могла вымолвить ни слова. Она казалась существом из сказки, сошедшим со страниц книги, которую я читала в детстве.

– Госпожа? – повторила она, чуть склонив голову. – Вам нехорошо? Вы так бледны.

– Нет-нет, всё хорошо, – ответила я, справившись с голосом. – Просто... бал утомил.

Она подошла ближе, и я почувствовала исходивший от неё тонкий аромат – пахло лесом, цветами и чем-то неуловимо сладким.

– Позвольте, я помогу вам снять платье, – мягко сказала она, и руки её уже потянулись к застёжкам на моей спине.

Я молча кивнула, поднялась и замерла, пока она ловко, привычными движениями освобождала меня от корсета и тяжёлой юбки. Платье упало к ногам, и я осталась в тонкой нижней сорочке. Служанка подала мне халат – невесомый, шёлковый, расшитый серебряными нитями.

– Прикажете подать чай? – спросила она, собирая платье.

– Да, пожалуйста, – ответила я, наблюдая за ней.

Её движения были грациозны, почти музыкальны, каждое – точно выверено. Таких людей не бывает. Такими бывают только эльфы.

Она уже направилась к двери, когда я окликнула её:

– Как тебя зовут?

Она обернулась, и на её губах мелькнула лёгкая улыбка.

– Линнэль, госпожа. Я Линнэль.

– Линнэль, – повторила я, пробуя имя на вкус. – Ты давно здесь служишь?

– С вашего детства, госпожа, – ответила она, и в её зелёных глазах мелькнуло что-то тёплое. – Я помогала вашей мамушке ухаживать за вами, когда вы были совсем крошкой.

Я сглотнула. Она знала меня с детства. Знала эту Марию, чьё тело я сейчас занимала. А я не знала о ней ровным счётом

ничего.

– Спасибо, Линнэль, – только и сказала я. – Чай был бы очень кстати.

Она поклонилась и выскользнула за дверь, бесшумно, как тень. А я осталась стоять посреди комнаты, глядя на догорающие в камине угли, и чувствовала, как внутри меня поднимается волна смятения.

Эльфы существуют. Магия существует. Я – дочь графа в этом мире, и у меня есть эльфийка-служанка, которая помнит меня ребёнком. А я помню только свою прежнюю жизнь: школу, расстроенное пианино, серое небо над маленьким городком. Где правда? Где сон?

Я опустила в кресло у камина и закрыла глаза. Завтра будет новый день. И, возможно, новые ответы. Или новые вопросы.

Глава 5

Той ночью я долго не могла уснуть. Ворочалась на огромной кровати под балдахином, вдыхала незнакомые запахи – воска, сухих трав, которыми, видимо, перекладывали бельё, тонкого аромата духов, оставшегося на коже. Линнэль принесла чай – травяной, с медовым послевкусием, от которого по телу разлилось приятное тепло. Я выпила две чашки, но сон всё не шёл.

Мысли путались. Я перебирала в памяти лица кавалеров, обрывки сплетен, влажные от пота ладони барона фон Эшенбаха, томный взгляд виконта де Бельмона. И всё время, как навязчивая мелодия, возвращалась к Нему. К тому, из первого сна. Высокий шатен с карими глазами, который смотрел на меня, пока я играла. Где он? Почему его нет здесь?

В конце концов, усталость взяла своё. Глаза слиплись, мысли поплыли, и я провалилась в темноту.

Я открыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Вместо лепного потолка и хрустальной люстры надо мной был знакомый, чуть пожелтевший от времени потолок моей квартиры. Трещина в углу, которую я всё собиралась заделать, но так и не собралась. Знакомый плафон светильника. За окном – серое утро, чирикание воробьёв и далёкий гул машин.

Я дома. Я снова на Земле.

Сердце сначала подпрыгнуло от радости, а потом тревож-

но ёкнуло. Если я здесь, то кто там? Кто в теле Марии в том роскошном особняке?

Я села на кровати, прислушалась к себе. Тело было моим, привычным: чуть ныла спина, пальцы зудели по клавишам. Я вскочила, натянула первое попавшееся – старые джинсы и свитер – и выбежала на улицу.

Город дышал сыростью и привычной суетой. Я шла к школе, и каждый шаг отдавался в груди странным эхом. Неужели всё это мне приснилось? Неужели не было никакого особняка, никакого бала, никакой эльфийки Линнэль? Только игра воображения уставшей учительницы?

Школа встретила меня привычным гулом. Я вошла, кивнула вахтерше, поднялась на второй этаж. В коридоре уже толпились ученики, и вдруг я услышала смех. Мой смех. Но я же не смеялась.

Я замерла.

Из-за поворота, из крыла, где располагался спортзал, доносился звонкий, залиvistый хохот. Я узнала бы его из тысячи – это был мой голос. Но я никогда так не смеялась. Никогда.

Я осторожно заглянула за угол.

Они стояли у открытых дверей спортзала. Он – Сергей Петрович, физрук, сорокалетний холостяк с вечно взъерошенными русыми волосами и доброй, чуть смущённой улыбкой. Тот самый, на которого я за пять лет работы в школе не взглянула ни разу иначе, как на часть интерьера. Непримет-

ный, тихий, вечно в спортивном костюме.

А рядом с ним стояла я. То есть не я, а та, другая – в моём теле.

На ней была моя одежда, мои волосы рассыпаны по плечам (я никогда не ходила на работу с распущенными волосами!), глаза сияли, щёки горели румянцем. Она кокетливо поправляла ворот его куртки и что-то говорила, склонив голову набок, а Сергей Петрович смотрел на неё так, будто увидел впервые.

– Сергей Петрович, ну перестаньте, – щебетала она моим голосом, но с интонациями, которых я у себя никогда не слышала. – Я же серьёзно! Говорю вам, у меня просто талант к волейболу. Хотите, покажу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.